
ВЗРОСЛЕНИЕ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ
MATURATION IN THE DIGITAL SOCIETY

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Т.Д. МАРЦИНКОВСКАЯ*,
Институт психологии имени Л.С. Выготского, РГГУ,
Психологический институт РАО, Москва, Россия,
tdmartsin@gmail.com

Рассмотрена специфика идентичности в ситуации транзитивности, раскрыта связь между разными аспектами транзитивного и информационного пространств, выделены виды транзитивности — жесткая и текучая, которые связаны с разными вариантами работы с информацией — онлайн и офлайн. Проведен анализ теоретических и эмпирических данных, доказывающих изменения когнитивного развития и повышение операциональной стороны информационной социализации, влияющих на трансформацию персональной идентичности и отношения между поколениями. Приводятся материалы

Для цитаты:

Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 77—96. doi: 10.17759/cpp.2019270306

* *Марцинковская Татьяна Давидовна*, доктор психологических наук, профессор, директор института психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет; заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия, e-mail: tdmartsin@gmail.com

теоретико-эмпирических исследований, раскрывающих значение информационного стиля идентичности для социализации в современном мире. На материале эмпирического исследования молодых людей (N=140, возраст 18—21) показывается связь жесткой и текучей транзитивности и онлайн, офлайн коммуникации со стилями информационной идентичности и эмоциональным благополучием. Раскрывается влияние транзитивности на онлайн и офлайн варианты работы с информацией, доказывается, что ведущим фактором, определяющим психологическое благополучие в ситуациях жесткой и мягкой транзитивности является стиль информационной идентичности. Определяются проблемы современной цифровой информационной социализации и перспективы ее дальнейшего исследования.

Ключевые слова: информационная идентичность, эмоциональное благополучие, жесткая и текучая транзитивность, онлайн и офлайн коммуникация.

В настоящее время влияние транзитивности существенно возрастает, затрагивая все сферы повседневной жизни. Не меньше возрастает и роль информационного пространства, при этом информация становится одним из важнейших факторов, влияющих на социализацию и становление идентичности. Информация задает не только траекторию социализации, но и образцы поведения, эталоны идентификации для большой группы людей. То, что транслируемые СМИ образцы постоянно изменяются в соответствии с изменчивостью и множественностью социальных контекстов окружающего, помогает людям, особенно детям и подросткам, справиться с неопределенностью. Меняющаяся и поэтому остающаяся актуальной информация дает возможность людям сохранить себя, свою индивидуальность и целостность в постоянно меняющихся обстоятельствах повседневной жизни.

Связь между сетевым и транзитивным пространствами появляется, прежде всего, в неопределенности и множественности контекстов, групп, языков, вариантов идентичности. Неопределенность этих пространств тесно связана с изменчивостью. Постоянно меняются критерии, по которым люди себя оценивают и презентуют другим. Здесь и лайки, и переписки (в сети), и социальный статус или число цитирований (h-индекс). При этом число групп социализации является важным показателем и в транзитивном реальном обществе, и в сетевом, виртуальном пространстве.

Идентичность в транзитивности

Необходимо также подчеркнуть, что несмотря на рост междисциплинарных и трансдисциплинарных концепций идентичности, проблема

жестких и текучих трансформаций идентичности мало изучена в современной психологии.

Рассматриваются проблемы, связанные с усилением междисциплинарности самого понятия идентичности [17], отмечается необходимость изучения кризиса идентичности в ситуации радикальных социальных изменений [2], а также важности разработки методологического подхода к анализу современного кризиса идентичности [1; 15]. Вводится понятие «лоскутной», «множественной» идентичности [11], существующей лишь в коммуникации, «возможного Я» [19; 22], и подчеркивается опасность потери человеком своего подлинного Я [20].

Вопрос о связи транзитивности с неопределенностью также не изучался, хотя проблема неопределенности ставилась многими учеными. Были систематизированы признаки ситуаций неопределенности, проанализированы результаты воздействия неопределенности на поведение и эмоции людей. С точки зрения методологии А.Г. Асмолов связывал неопределенность с предметом психологии [1], а Т.Д. Марцинковская [13; 15] писала о принципиальной множественности возможных объяснительных моделей. В принципе, можно говорить о том, что до настоящего времени концепция неопределенности в разных науках связана с социологическим пониманием социальных изменений как бифуркационных, создающих реальность постмодерна как реальность множественную. Такая реальность требует от человека либо непредсказуемых ролевых «переключений», либо полного отказа от ориентации на фиксированные ролевые модели поведения [27].

Для отечественной социальной психологии обращение к анализу неопределенности (понимаемой и как объективная особенность социальной динамики и как ее субъективное переживание) связывалось с вопросом изучения процессов социальной дестабилизации [2; 9]. Однако в последние годы разрабатывается и другой подход к понятию «неопределенность», которая связывается с невозможностью контроля со стороны субъекта своего действия. С этой точки зрения неопределенность изучается в контексте особенностей поведения в трудных ситуациях [16], способности к принятию риска, анализа комплекса специфических когнитивных средств, ведущими из которых мыслятся прототипы и эвристики [23]; несколько реже в качестве такого когнитивного средства выделяется «недифференцированный образ» [16].

В то же время необходимо подчеркнуть, что понятие транзитивность шире, чем неопределенность, так как ее основными характеристиками являются множественность социокультурных контекстов, постоянная изменчивость окружающего мира и его неопределенность. При этом сохранение целостной идентичности связано для людей с их способностью ориентироваться не на одну, а на несколько стратегий поведения [15].

Жесткая (кризисная) и текучая транзитивность

Говоря о ситуации транзитивности, т. е. неопределенности, изменчивости и множественности современного мира, можно выделить два связанных между собой аспекта или фазы — жесткой, кризисной, и текучей, мягкой, транзитивности. При этом неопределенность, множественность и изменчивость остаются доминантами общего направления развития общества, меняя степень своей кардинальности [14; 15].

На рубеже XX—XXI веков в мире доминировала кризисная, жесткая, транзитивность, происходил резкий переход к новым формам общения и получения информации, расширялись миграционные процессы. Одновременно при этом нарастали две противоположные тенденции к глобализации и изоляционизму малых народностей. Все это, вместе с экономическим кризисом, приводило к изменению представлений людей о мире, о постоянных, незыблемых ценностях, о технологических возможностях человека.

В психологической науке именно в этот момент появляются принципиально новые подходы к пониманию поколений [24], активизируются работы, посвященные анализу коммуникации людей разных культур, наполняется новым содержанием понятие толерантности и этнической идентичности. Данная феноменология свидетельствует о том, что этот период можно характеризовать как период жесткой транзитивности.

В последующие десятилетия наступил период мягкой, текучей, транзитивности, для которой характерно медленное, но постоянное изменение многих аспектов жизни. То есть период кардинальных трансформаций 1990-х годов сменился периодом постоянных медленных изменений. В результате трансформации становятся менее кардинальными, но остаются такими же неотвратимыми, как и двадцать лет назад.

С психологической точки зрения можно говорить о том, что кризисная, жесткая, транзитивность является специфической шоковой ситуацией для людей, предъявляя повышенные требования к их жизнестойкости и эмоциональной устойчивости, укорененности в окружающем. Но психологически кризис рассматривается как преходящее явление, с которым надо справиться, который вызывает эмоциональное неблагополучие здесь и сейчас. Этот вариант транзитивности дает надежду на то, что, если этот неблагоприятный момент пережить, дальше все будет хорошо и стабильно, все вернется на круги своя.

Поэтому психологически намного более тяжелой становится именно текучая транзитивность, переход от кризиса именно к этому виду транзитивности, а не к периоду стабильности. Изменения происходят, меняя жизнь, ценности, общение, информационные потоки и технологическое окружение людей. При этом появляется уверенность в том, что

эти изменения неотвратимы и неостановимы. Такая длительная социокультурная изменчивость приводит к актуализации стремления к покою, стабильности. Люди устали от неопределенности, транзитивности, хотя бы спрятаться от нее в обычной жизни, в семье, в группе близких по ценностям и устремлениям людей [3].

В последние годы фазы кризисной и текучей транзитивности соседствуют друг с другом, причем, что особенно важно, их соотношение тесно связывается с информационным потоком и поэтому отдельные аспекты транзитивности не взаимодействуют друг с другом также тесно, как в предыдущие годы. Информационное пространство усиливает множественность контекстов — как социокультурных, так и личностных. При этом постоянная включенность в информационный поток снижает неопределенность, делая изменчивость привычной составляющей окружающего мира. Поэтому новое поколение связывает реальное и сетевое пространства в единое целое, что актуализирует проблему исследования детерминаций психического развития одновременно в двух пространствах.

Наряду с разными видами транзитивности можно говорить и о разных формах виртуальности — онлайн и офлайн. Можно также говорить о связи между жесткой и онлайн ситуациями. Эти ситуации сходны в том, что в обоих случаях сложно что-то изменить и нужна быстрая реакция на ситуацию. При этом последствия реакций часто необратимы. С этой точки зрения есть и определенное сходство между текучей транзитивностью и офлайн в виртуальном пространстве. Здесь можно немного поменять реакции, оценки, эталоны. Поэтому данные ситуации в некоторых пределах обратимы, хотя все равно необходимо помнить о том, что обстоятельства все равно изменяются, т. е. идет как бы примерка того, что будет при резком изменении.

Вопрос о том, какие факторы помогают преодолевать психологический, эмоциональный дискомфорт и напряженность, связанные с постоянным позиционированием молодежи одновременно в разных сетевых и реальных пространствах, становится одним из важнейших. При этом встает также необходимость более детального изучения современных аспектов информационной социализации детей и подростков.

Современное информационное пространство: новая феноменология информационной социализации

Работы, изучающие новую феноменологию информационной социализации, показывают серьезное расширение интернет-пространства и снижение возраста интернет-инициации [2; 4; 5; 25].

Интернет занимает лидирующую позицию как предпочитаемый источник получения информации (100% московских подростков и от 90 до 95% подростков из других городов России) [2; 8]. Особенно важен тот факт, что Интернет является не только основным источником информации, но и информация, получаемая из Интернета, вызывает наибольшее доверие у подростков и молодежи из разных регионов. Некоторые подростки отмечали, что находятся онлайн (в сети Интернет) «все время». Этот факт стал важным показателем интернет-коммуникации именно в регионах, так как 100% доверие к этой информации в Москве было зафиксировано еще 5—6 лет назад [6]. Рост доверия к информации из Интернета приводит к последствиям, имеющим амбивалентный характер. Если большинство молодежи считают цифровое пространство продолжением жизни офлайн с набором новых функций и возможностей, возникает серьезная опасность того, что они не разделяют свой мир на виртуальный и реальный.

С этим, по-видимому, связан тот факт, что возрастает процент самоописаний, связанных с Интернетом. У большей половины подростков (у московских подростков почти 80%) персональная идентичность определяется именно в связи с их позиций в интернет-пространстве. Позитивным, с этой точки зрения, является возможность как игры идентичностей, так и наличия разных групп для социализации и формирования разных идентичностей. Позитивным является и появление способов оптимизации сложных вариантов социализации, например, дауншифтинга. Одновременно возникают и негативные последствия такой слитности персональной идентичности с сетевым пространством, что делает детей и подростков очень уязвимыми для кибербуллинга и, частично, приводит к опасности аутизации и ухода от реальности.

Операциональная сторона информационной социализации приводит к серьезному расхождению между разными поколениями. Еще более значимым становится несовпадение доверия к информации, поступающей из разных источников, между поколениями детей, их родителей, дедушек и бабушек. Если, как уже говорилось выше, подростки и молодежь доверяют информации, поступающей из Интернета, то родители и прародители в большей степени доверяют телевизору как источнику информации или газетам и журналам.

Таким образом, можно говорить о серьезной опасности, связанной с отсутствием общего информационного пространства разных поколений в одной семье. Учитывая, что семья в период транзитивности является одним из важнейших факторов эмоционального благополучия и укорененности, это становится серьезной проблемой информационной социализации.

Постоянное возникновение новых интернет-технологий (новых сетей, каналов информации, операциональных средств) приводит к еще

большему расхождению между поколениями. В последние годы это связано еще и с разными сетевыми сообществами, к которым принадлежат разные поколения. В России, например, Фейсбук и ВКонтакте различаются, прежде всего, возрастом пользователей [7]. При этом возникает разрыв уже между близкими по возрасту поколениями 17—25-летних и 26—35-летних людей. Если старшие говорят о возможности самостоятельного выбора соответствующей интересам информации, то более молодые люди отмечают, что сети нужны в качестве платформы для общения, скачивания музыки и видео контента. При этом старшие пользователи в меньшей степени, чем молодые, ценят быстроту коммуникации и свободу самовыражения.

Именно при выборе вариантов сетевой коммуникации проявляются принципиально новые подходы молодежи к пониманию ценности настоящего, которой практически не отмечается у более взрослых людей. Этим объясняется увлечение именно молодых пользователей потоковым видео, не очень популярным у людей среднего возраста. Еще один важный момент, отличающий именно молодых людей, связан с тем, что им интересно не просто посмотреть другой мир и жизнь других людей, как взрослым подписчикам «Фейсбука» и «Инстаграма». Больше половины молодых ребят акцентируют внимание на том, что благодаря прямым эфирам и *Snapchat* пользователь предстает таким, какой он есть со всеми своими достоинствами и недостатками. Если посты в «Фейсбуке» и «Инстаграме» представляют отретушированные образы и отобранные специально моменты жизни, сервисы с потоковым видео показывают реальную картину мира, где можно поделиться своим состоянием, настроением, независимо от того, хорошо тебе или плохо.

Появление функции «прозрачность» предоставляет новые возможности и ставит серьезные проблемы. Возможность показывать всю свою жизнь другим пользователям в режиме онлайн, по мнению многих молодых людей, держит их в постоянном тонусе. Постоянное наблюдение извне, мгновенная оценка твоих действий (лайки, комментарии) помогают, по их мнению, стать лучше. Такая постоянная вариативность и возможность изменений соответствует и требованиям современного жесткого транзитивного пространства, что подтверждает предположение о связи онлайн с кризисной изменчивостью и неопределенностью. В то же время такая активная позиция явно не может быть комфортной для многих молодых людей, снижая их эмоциональное благополучие и самооценку.

Еще одной значимой проблемой, связанной с ранним вхождением в сетевое пространство, становится изменение закономерностей когнитивного развития детей. Так, результаты диагностики познаватель-

ного развития дошкольников показывают возрастание образно-схематического мышления и снижение уровня вербального мышления [26]. Одновременно с этим полученные в последние годы материалы показывают, что общий уровень интеллекта в целом имеет тенденцию к росту [26]. При этом темп роста креативности несколько замедлился в последние два года, а объем памяти практически не изменился. Эти материалы еще раз демонстрируют, что информационное пространство уже в дошкольном возрасте не ограничивается только телевидением и просмотром детских фильмов-мультфильмов, но носит гораздо более широкий и разнообразный, а часто, к сожалению, просто хаотичный характер. Последствия приобщения маленьких детей к Интернету нельзя оценить однозначно. Несомненно, весьма велик развивающий потенциал компьютерных технологий, но существуют и негативные последствия чрезмерного увлечения компьютером. Амбивалентное влияние Интернета проявляется в том, что, с одной стороны, общение в Сети, появление новых друзей (а процесс виртуального общения, как уже отмечалось, имеет несомненную тенденцию к омоложению реципиентов) представляется положительным явлением. Новая информация расширяет и обогащает сознание, что, естественно, является позитивным фактом. С другой стороны, увлечение виртуальными играми дает ощущение «запасных» жизней, «запасных вариантов» построения своей судьбы, что не только снижает ощущение реальных рисков, но и реальности как таковой, делает детей и подростков крайне уязвимыми при появлении стрессовых, неблагоприятных жизненных ситуациях. В последних работах Г.У. Солдатовой выделяются новые виды опасностей и достоинств Интернета [18]. К достоинствам, с ее точки зрения, можно отнести, прежде всего, снятие географических и социальных барьеров в общении и разработку новых этических норм коммуникации, а также снятие барьеров в общении. К недостаткам — возможная потеря работы и сокращение ряда жизненно необходимых навыков и умений, которые выполняет Интернет. О последней опасности говорят и другие исследователи [10]. Данные наших последних опросов показали, что россияне в меньшей степени, чем американцы, связывают Интернет и появление нового поколения роботов с потерей работы [14]. наших респондентов, имеющих небольшой опыт работы с компьютерами, вне зависимости от возраста, пугает операциональная сторона киберпространства и распространение новых технологий. В то же время многие видят и положительную сторону в появлении роботов-помощников, например, в медицине. Таким образом, можно говорить о том, что в ситуации дефицита некоторых форм социальной поддержки люди позитивно оценивают новые технологии.

Проблема. Теоретические и эмпирические исследования показывают, что появление нового технологического пространства, Интернета, социальных сетей и гаджетов ставит несколько вопросов, тесно связанных друг с другом и с анализом влияния информационной социализации на психическое развитие и эмоциональное благополучие детей, подростков и молодежи. Одновременно встает и вопрос о том, каким образом онлайн- и офлайн-варианты использования гаджетов влияют на психологическое благополучие молодежи и связано ли это влияние с их стилем информационной идентичности.

Метод

Исходя из поставленных вопросов, было проведено эмпирическое исследование, которое состояло из двух этапов.

Выборка, процедура, методика. В исследовании участвовали молодые люди ($N=140$, возраст 18—21), студенты московских вузов. На первом этапе с каждым проводилось интервью, целью которого было изучение того, считают ли они актуальную ситуацию жесткой или мягкой транзитивностью. На основании ответов было выделено две группы (считающие ситуацию жесткой (75) или текучей (65) транзитивностью), соответственно группы 1 и 2. Затем в каждой группе проводилась диагностика стиля информационной идентичности [21]. На основании полученных данных каждая из групп была разделена на три подгруппы — с нормативным, диффузным и информационным стилями информационной идентичности.

На втором этапе им предлагалось ответить на вопросы методики К. Рифф «Шкала психологического благополучия» в разных вариантах: онлайн и офлайн [12].

Все участники исследования были осведомлены о его целях и дали согласие на участие в работе.

Результаты

Первый этап исследования заключался в беседе, направленной на анализ участниками актуальной социальной ситуации. На основании их ответов на ряд прямых и косвенных вопросов, помогающих отрефлексировать окружающее, делалось заключение о том, считают ли они происходящие изменения резкими или постепенными. Исходя из содержания ответов, были отобраны две группы студентов 1—3-го курсов, считающих ситуацию жесткой или мягкой по степени изменчивости и

неопределенности: группа 1 — жесткая транзитивность (n=75); группа 2 — мягкая транзитивность (n=65). Необходимо подчеркнуть тот факт, что в первую группу (кризисная транзитивность) попали преимущественно студенты 1-го курса, в то время как студенты 3-го курса считали ситуацию более мягкой, с текучими, постоянными изменениями. Можно предположить, что это связано с разницей в возрасте и времени окончания школы и поступления в университет.

Исследование информационного стиля идентичности показало, что больше половины респондентов используют нормативный стиль идентичности. Это говорит о том, что в поиске информации респонденты хотят получить готовые результаты, а не заниматься анализом и сопоставлением разных вариантов материала. Примерно треть людей действуют по принципу стимул—реакция и также не стремятся к поиску и анализу получаемой информации. Этот подход очень мешает людям в ситуации транзитивности, предполагающей способность к изменению стратегии поиска в изменяющейся ситуации, а также способность к переоценке имеющейся информации, исходя из новых задач и новой ситуации (табл. 1).

Таблица 1

Связь вида транзитивности и стиля информационной идентичности

Группы	Стили информационной идентичности		
	Нормативный	Диффузный	Информационный
Группа 1 — жесткая транзитивность	41 чел., средний балл 5	24 чел., средний балл 4	10 чел., средний балл 3
Группа 2 — мягкая транзитивность	29 чел., средний балл 4	21 чел., средний балл 3	15 чел., средний балл 4

Число людей с информационным стилем идентичности было больше среди тех, кто оценивал ситуацию как более мягкую. Возможно, это связано с тем, что у них был больший опыт в учебе и научной деятельности. Можно также предположить, что в ситуации жесткой транзитивности, которая предполагает резкие и часто неопределенные изменения, для сохранения стабильности и укорененности лучше ориентироваться на устоявшиеся и принятые ближайшим окружением нормы либо действовать по ситуации, а не искать новую информацию и опробовать новые способы поведения.

На втором этапе обеим группам было предложено ответить на вопросы шкалы К. Рифф. Первоначально был предложен вариант онлайн, а через три дня вариант офлайн. Таким образом, повторное тестирование проводилось в заведомо более благоприятном для участников варианте. Ответы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели психологического благополучия в группах с разным видом транзитивности и онлайн, офлайн коммуникацией

Группы	Показатели шкал						
	Позитивные отношения	Управление средой	Самопринятие	Личностный рост	Автономия	Цели в жизни	Общий уровень психологического благополучия
Группа 1 — жесткая транзитивность, онлайн	67	64	58	64	52	68	373
Группа 1 — жесткая транзитивность, офлайн	58	56	64	59	58	60	365
Группа 2 — мягкая транзитивность, онлайн	66	51	63	63	50	65	358
Группа 2 — мягкая транзитивность, офлайн	65	66	57	60	59	63	370

Результаты корреляционного анализа компонентов психологического благополучия по группам по критерию Спирмена показали статистически значимые связи по шкалам: «Позитивные отношения» ($p=0,042$), «Управление средой» ($p=0,001$), «Самопринятие» ($p=0,016$), «Психологическое благополучие» ($p=0,038$), «Цели в жизни» ($p=0,015$) (табл. 3).

Таблица 3

Показатели связи стилей идентичности по отдельным параметрам психологического благополучия, видом транзитивности, онлайн, офлайн коммуникации

Стили идентичности	Позитивные отношения	Управление средой	Самопринятие	Личностный рост	Цели в жизни	1 а	1 б	2 а	2 б
Нормативный	0,56	0,48	0,54		0,52	-0,35	0,46	0,47	-0,53
Диффузный	-	-0,33	0,47	-0,31	-0,34	-	0,49	-	0,39
Информационный	-	0,57	0,31	0,48	0,45	-	-	0,60	-

Примечания: 1а — группа «жесткая транзитивность, онлайн»; 1б — группа «жесткая транзитивность, офлайн»; 2а — группа «мягкая транзитивность, онлайн»; 2б — группа «мягкая транзитивность, офлайн».

Среди факторов, оказывающих значительное влияние на уровень психологического благополучия студентов, следует выделить такие показатели, как: нормативный стиль информационной идентичности ($p=0,015$), онлайн коммуникация ($p=0,025$), информационный стиль информационной идентичности ($p=0,027$), жесткая транзитивность ($p=0,040$), офлайн ($p=0,042$), мягкая транзитивность ($p=0,042$).

Обсуждение

Как показывают приведенные результаты, в целом, в первой группе в ситуации онлайн общий уровень психологического благополучия несколько выше, чем в ситуации офлайн. Возможно, это связано с тем, что ситуация, требующая быстрой реакции на изменения, привычна для студентов этой группы. В то же время стабильная ситуация, требующая, возможно, более высокого уровня рефлексии, может привести к некоторому снижению психологического благополучия. Особый интерес вызывают показатели по отдельным шкалам. Так, в ситуации онлайн выше показатели: управление средой; личностный рост; позитивные отношения; цели в жизни. Учитывая, что постоянное пребывание в Сети для большинства студентов является обычной ситуацией, эти данные показывают, что для этой группы ситуация «в Сети» не только не является травмирующей, но, напротив, стимулирует их стремление к личностному росту и самореализации, а также к установлению эмпатийных отношений с окружающими.

Как можно было предположить, вне Сети уровень автономии выше. Однако тревожным является то, что и самопринятие выше вне Сети. То есть постоянная прозрачность общения и открытость своей жизни другим, возможно, стимулирует личностное развитие, но снижает самооценку и самопринятие.

Во второй группе ситуация несколько иная — здесь общий уровень психологического благополучия несколько выше именно вне Сети. Возможно, это, как и в первой группе, связано с оценкой общей ситуации — при текучей транзитивности легче дать ответы не сразу, а, возможно, и что-то изменить через некоторое время. Особый интерес в этом случае также вызывают данные по отдельным шкалам. Подтверждает факт связи офлайн и текучей транзитивности то, что управление средой в этой группе выше именно вне Сети. При этом позитивные отношения, цели в жизни и личностный рост также выше «в Сети».

Сравнивая ответы этих двух групп онлайн и офлайн, мы можем увидеть сходство и различия в ответах, раскрывающие значимые отличия в оценке ситуации и параметров психологического благополучия. Авто-

номия, как можно было предположить, для обеих групп выше именно вне Сети. Но общим является и то, что именно в Сети все участники исследования высоко оценивают возможность личностного роста и установления позитивных отношений. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для молодежи жизнь онлайн является привычной, естественной средой, в которой ты постоянно на виду у всех и открыт и для нового опыта, и для оценки своих действий окружающими. Хотя такая прозрачность вызывает некоторое напряжение у пользователей (поэтому автономия выше вне Сети), новые технологии, значимость которых для обогащения опытом и лучшего понимания мира показали наши предыдущие исследования, стимулируют стремление к личностному росту и появлению новых целей в жизни.

Не менее интересен и анализ различий в ответах студентов двух групп, особенно в оценке параметра «Управление средой». Если в первой группе сформирована установка на то, что управлять окружающим надо быстро, так как ситуация может кардинально измениться в считанные часы, то во второй, напротив, явной становится направленность на длительную фиксацию изменений, которые не надо форсировать. Интересным является и тот факт, что во второй группе самопринятие выше именно в Сети, а в первой группе, как ни странно, оно выше вне Сети. Возможно, это связано с тем, что респонденты этой группы хотят что-то изменить в себе, но не успевают измениться.

Сравнение данных, касающихся студентов с разными стилями идентичности показало, что при информационном стиле идентичности в целом несколько выше показатели общего психологического благополучия по сравнению с показателями у студентов, обладающих диффузным и нормативным стилями, независимо от ситуации онлайн или офлайн. Особенно видно преимущество информационного стиля в ситуации жесткой транзитивности онлайн. При оценке ситуации как мягкой транзитивности различия в показателях меньше, независимо от того, выполнялось задание онлайн или офлайн.

Наиболее значимыми, конечно, становятся показатели связи стилей идентичности по отдельным параметрам психологического благополучия (табл. 3).

В группе 1а (жесткая транзитивность, онлайн) мы видим самые высокие баллы у студентов с нормативным стилем общения по таким показателям, как управление средой и позитивные отношения. Для диффузного стиля идентичности практически нет высоких показателей ни по одной шкале, но можно отметить более низкие показатели по таким шкалам, как «Личностный рост» и «Цели в жизни». У студентов с информационным стилем общения, напротив, общий уровень психологического благополучия выше именно за счет шкал: «Управление средой»;

«Личностный рост»; «Цели в жизни». Интересно, что показатель позитивных отношений у этой группы ниже, чем у других.

Примерно такие же показатели по отдельным шкалам у группы 1b (жесткая транзитивность, офлайн). Необходимо отметить здесь тот факт, что показатель самопринятия для студентов с информационным стилем идентичности мало изменяется в Сети и вне Сети, в отличие от групп с диффузной и нормативной идентичностью, у которых вне Сети он выше.

В группах 2a (мягкая транзитивность, онлайн) и 2b (мягкая транзитивность, офлайн), как уже отмечалось, уровень психологического благополучия выше офлайн, хотя разница у студентов с информационным стилем идентичности между этими подгруппами ниже, чем у двух других. Интересным является тот факт, что показатели психологического благополучия у студентов с одинаковыми стилями информационной идентичности близки, независимо от принадлежности к первой или второй группе.

В целом, можно увидеть, что информационный стиль, определяемый как способность искать и анализировать информацию, дает возможность чувствовать себя более благополучно в любой ситуации. Нормативный стиль снижает благополучие и отношение к себе в ситуации жесткой транзитивности, особенно при дефиците времени в Сети. У этих респондентов, независимо от оценки транзитивности, самые низкие показатели по шкалам — «Управление средой», «Автономия» и «Личностный рост». У студентов с диффузным стилем информационной идентичности наиболее низкий уровень благополучия в ситуации мягкой транзитивности, как в Сети, так и вне Сети. Сама по себе ситуация постоянных изменений, казалось бы, адекватная для диффузной, ситуативной оценки, утомляет этих ребят и приводит к снижению показателей управления средой и осмысленности жизни. Видимо, постоянное изменение оценки ситуации повышает интолерантность к неопределенности и укорененность в ситуации, снижая субъективное благополучие.

Ограничения эмпирического исследования: однородность выборки; неравноценность предъявления теста К. Рифф в разных ситуациях; субъективность в оценке показателей жесткой и мягкой транзитивности.

Выводы

Полученные теоретико-эмпирические материалы показывают, что в условиях транзитивности все больше места в картине мира занимает цифровое пространство, прежде всего, социальные сети и блоги. При этом тревожным фактом становится расхождение в оценке интернет-среды разными поколениями. Если для людей зрелого возраста циф-

ровое пространство рассматривается как средство получения интересующей информации, то для молодежи цифровое пространство больше ассоциируется с социальными сетями, функцией которых является коммуникация, получение нового опыта и новой информации. Расхождения в уровне развития операциональной стороны интернет-коммуникации также являются серьезной проблемой, так как влекут за собой не только психологические, но и социальные последствия. При этом большинство молодых людей отмечают, что они постоянно находятся в Сети, в отличие от более старших людей, часто работающих офлайн.

Теоретико-эмпирические данные также подтверждают, что существует связь между ситуациями жесткой и текучей транзитивности и работой в Сети и вне Сети. Это сходство связано с дефицитом времени и необходимостью быстрого реагирования на воздействия среды. Результаты эмпирического исследования показали, что основным показателем, определяющим психологическое благополучие в ситуациях жесткой и мягкой транзитивности, является стиль информационной идентичности. При этом особенно активно этот стиль идентичности влияет на субъективное ощущение благополучия в ситуации онлайн. Видимо, ощущение невозможности управлять окружающей средой, в том числе позитивными контактами с окружающими, неумение ориентироваться в информации и жесткость ситуации негативно влияют на отношение к себе, снижая самооценку и интенцию к саморазвитию, что в свою очередь снижает субъективное ощущение эмоционального комфорта и благополучия.

Проблемы, вытекающие из активного распространения информационного цифрового пространства, связаны не только со сложностями в межпоколенной трансмиссии, но и с тем, что постоянная ситуация онлайн становится сложной жизненной ситуацией для многих молодых людей. Фаббинг и «прозрачность» сети наиболее негативно влияют на людей, которые оценивают ситуацию как жесткую транзитивность и склонны к нормативному стилю информационной идентичности.

Перспективы, связанные с расширением цифровой информационной социализации, во многом становятся обратной стороной возникающих при этом проблем. Расширение картины мира, получение нового опыта ведут к развитию интеллектуальной и социальной активности и помогают лучше увидеть и понять мир, что снижает интолерантность к другим людям и боязнь неопределенности, так как повышает готовность к переменам.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства — общность и различия».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 1.05.2019).
2. *Белинская Е.П.* Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 1.05.2019).
3. *Вахштайн В.С.* Дело о повседневности: Социология в судебных прецедентах. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 143 с.
4. *Войсунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98—121.
5. *Войсунский А.Е.* Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
6. *Войсунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю.* Этическая направленность подростков и молодежи в социальных сетях [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 37. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 1.05.2019).
7. *Голубева Н.А.* Феномен социальных сетей в современном цифровом обществе // Материалы конференции «Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития» (г. Москва, 22—23 апреля 2019 г.). М.: РГГУ, 2019. С. 212—218.
8. *Голубева Н.А.* Феноменология межличностного и межгруппового общения современной молодежи в реальном и виртуальном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 45—60.
9. *Дубовская Е.М.* Транзитивность общества как фактор социализации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 7. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 6.06.2019).
10. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Субкультурный плюрализм и деструкция идентичности // Материалы конференции «Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития» (г. Москва, 22—23 апреля 2019 г.). М.: РГГУ, 2019. С. 240—246.
11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура: пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
12. *Лепешинский Н.Н.* Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 24—37.
13. *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015. 247 с.
14. *Марцинковская Т.Д.* Психологические аспекты технологического общества [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/> (дата обращения: 1.04.2019).
15. *Марцинковская Т.Д.* Современная психология — вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 1.05.2019).

16. Поддьяков А.Н. Компликология: создание развивающих, диагностирующих и деструктивных трудностей. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 278 с.
17. Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 8.05.2019).
18. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
19. Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., et al. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization // Psychological Science. 2010. Vol. 21 (3). P. 372—374 doi:10.1177/0956797609360756
20. Baumeister R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117 (3). P. 497—529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
21. Berzonsky M. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 44 (3). P. 645—655. doi:10.1016/j.paid.2007.09.024
22. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 28 (2). P. 227—248. doi:10.1002/(SICI)1099-0992(199803/04)28:2<227::AID-EJSP866>3.0.CO;2-X
23. Choices, Values and Frames / D. Kahneman, A. Tversky (eds.). New York: Russell Sage Foundation; Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. 840 p.
24. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books, 2000. 415 p.
25. Marcus B., Machilek F., Sch tz A. Personality in cyberspace: personal Web sites as media for personality expressions and impressions // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90 (6). P. 1014—1031. doi:10.1037/0022-3514.90.6.1014
26. Martsinkovskaya T.D. Person in Transitive and Virtual Space: New Challenges of Modality // Psychology in Russia: State of the Art. 2019. Vol. 12 (2). P. 165—176. doi:10.11621/pir.2019.0212
27. Van Dellen M.R., Hoyle R.H. Possible selves as behavioral standards in self-regulation // Self and Identity. 2008. Vol. 7 (3). P. 295—304. doi:10.1080/15298860701641108

INFORMATION SPACE OF A TRANSITIVE SOCIETY: CHALLENGES AND PROSPECTS

T.D. MARTSINKOVSKAYA*,
L. Vygotsky Institute of Psychology,
Russian State University for the Humanities, Psychological Institute,
Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
tdmartsin@gmail.com

In the paper, we show the specificity of identity in the situation of transitivity, reveal the connection between different aspects of the transitive and information space, and distinguish between two the types of transitivity — rigid and fluid, that are associated with different ways of working with information — on-line and off-line. Theoretical and empirical data is analyzed to prove the changes in cognitive development and an increase in the operational side of informational socialization, which affects the transformation of personal identity and the relationship between generations. The materials of theoretical and empirical studies revealing the importance of the information style of identity for socialization in the modern world are presented. The empirical study of young people (N=140, age 18—21) yields the connection of rigid and fluid transitivity and on-line and off-line communication with styles of information identity and emotional well-being. The influence of transitivity on the on-line and off-line options of working with information is revealed, the key factor in determining psychological well-being in both hard and soft transitivity situations proves to be the style of information identity. The problems of modern digital informational socialization and the prospects for its further research are determined.

Keywords: informational identity, emotional well-being, rigid and fluid transitivity, on-line and off-line communication.

Acknowledgements

The study is supported by the Russian Science Foundation, project 19-18-00516 “Transitive and virtual spaces: common and different features”.

REFERENCES

1. Asmolv A.G. Psikhologiya sovremennosti: vyzovy neopredelennosti, slozhnosti i raznoobraziya [Elektronnyi resurs] [Psychology of modernity: challenges of

For citation:

Martsinkovskaya T.D. Information Space of a Transitive Society: Challenges and Prospects. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2019. Vol. 27, no. 3, pp. 77—96. doi: 10.17759/cpp.2019270306 (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Martsinkovskaya Tatyana Davidovna*, Doctor in Psychology, Professor, Director of the L. Vygotsky Institute Of Psychology, Russian State University for the Humanities; Head of the Department of Adolescent Psychology, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia, e-mail: tdmartsin@gmail.com

- uncertainty, complexity and diversity]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2015. Vol. 8 (40), p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 1.05.2019).
2. Belinskaya E.P. Informatsionnaya sotsializatsiya podrostkov: opyt pol'zovaniya sotsial'nymi setyami i psikhologicheskoe blagopoluchie [Elektronnyi resurs] [Information socialization of adolescents: the experience of using social networks and psychological well-being]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2013. Vol. 6 (30), p. 5. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 1.05.2019).
  3. Vakhshtain V.S. Delo o povsednevnosti: Sotsiologiya v sudebnykh pretsedentakh [The case of everyday life: Sociology in court cases]. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 143 p.
  4. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Setevaya i real'naya identichnost': sravnitel'noe issledovanie [Network and real identity: a comparative study]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2013. Vol. 10 (2), pp. 98—121.
  5. Voiskunskii A.E. Psikhologiya i Internet [Psychology and the Internet.]. Moscow: Akropol', 2010. 439 p.
  6. Voiskunskii A.E., Evdokimenko A.S., Fedunina N.Yu. Eticheskaya napravlenost' podrostkov i molodezhi v sotsial'nykh setyakh [Elektronnyi resurs] [Ethical orientation of adolescents and young people in social networks]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2014. Vol. 7 (37), p. 2. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 1.05.2019).
  7. Golubeva N.A. Fenomen sotsial'nykh setei v sovremennom tsifrovom obshchestve [The phenomenon of social networks in the modern digital society]. Materialy konferentsii "Psikhologiya subkul'ury: fenomenologiya i sovremennye tendentsii razvitiya" (g. Moskva, 22—23 aprelya 2019 g.) [Proceedings of the Conference "Psychology of Subcultures: Phenomenology and Modern Developmental Tendencies"]. Moscow: RGGU, 2019, pp. 212—218.
  8. Golubeva N.A. Fenomenologiya mezhlichnostnogo i mezhgruppovogo obshcheniya sovremennoi molodezhi v real'nom i virtual'nom prostranstve [Phenomenology of interpersonal and intergroup communication of modern youth in real and virtual space]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"* [Russian State University for the Humanities Bulletin. Series "Psychology. Pedagogics. Education"], 2018, no. 2 (12), pp. 45—60.
  9. Dubovskaya E.M. Tranzitivnost' obshchestva kak faktor sotsializatsii lichnosti [Elektronnyi resurs] [The transitive society as a factor of the personal socialization]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2014. Vol. 7 (36), p. 7. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 6.06.2019).
  10. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Subkul'turnyi plyuralizm i destruktsiya identichnosti [Subcultural pluralism and the destruction of identity]. Materialy konferentsii "Psikhologiya subkul'ury: fenomenologiya i sovremennye tendentsii razvitiya" (g. Moskva, 22—23 aprelya 2019 g.) [Proceedings of the Conference "Psychology of Subcultures: Phenomenology and Modern Developmental Tendencies"]. Moscow: RGGU, 2019, pp. 240—246.
  11. Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: GU VShE, 2000. 606 p. (In Russ.).
  12. Lepeshinskii N.N. Adaptatsiya oprosnika «Shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya» K. Riff [Adaptation of the questionnaire "The scale of psychological well-being" by C. Riff]. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2007, no. 3, pp. 24—37.

13. Martsinkovskaya T.D. Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoi paradigme [The problem of socialization in the historical-genetic paradigm]. Moscow: Smysl, 2015. 247 p.
14. Martsinkovskaya T.D. Psikhologicheskie aspekty tekhnologicheskogo obshchestva [Elektronnyi resurs] [Psychological aspects of technological society]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2018. Vol. 11 (62), p. 12. Available at: <http://psystudy.ru/> (Accessed 1.04.2019).
15. Martsinkovskaya T.D. Sovremennaya psikhologiya — vyzovy tranzitivnosti [Elektronnyi resurs] [Modern psychology — challenges of transitivity]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2015. Vol. 8 (42), p. 1. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 1.05.2019).
16. Podd'yakov A.N. Komplikologiya: sozдание razvivayushchikh, diagnostiruyushchikh i destruktivnykh trudnostei [Complicology: the creation of developing, diagnosing and destructive difficulties]. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2014. 278 p.
17. Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Identichnost' kak psikhologicheskii konstrukt: vozmozhnosti i ogranicheniya mezhdistsiplinarnogo podkhoda [Identity as a psychological construct: the possibilities and limitations of an interdisciplinary approach]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2012. Vol. 5 (26), p. 2. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 8.05.2019).
18. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost' [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl, 2017. 375 p.
19. Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., et al. Facebook profiles reflect actual personality, not self-idealization. *Psychological Science*, 2010. Vol. 21 (3), pp. 372—374. doi:10.1177/0956797609360756
20. Baumeister R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 1995. Vol. 117 (3), pp. 497—529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
21. Berzonsky M. Identity formation: The role of identity processing style and cognitive processes. *Personality and Individual Differences*, 2008. Vol. 44 (3), pp. 645—655. doi:10.1016/j.paid.2007.09.024
22. Cinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities. *European Journal of Social Psychology*, 1998. Vol. 28 (2), pp. 227—248. doi:10.1002/(SICI)1099-0992(199803/04)28:2<227::AID-EJSP866>3.0.CO;2-X
23. Kahneman D., Tversky A. (eds.). Choices, Values and Frames. New York: Russell Sage Foundation; Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2000. 840 p.
24. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. New York: Vintage Books, 2000. 415 p.
25. Marcus B., Machilek F., Sch tz A. Personality in cyberspace: personal Web sites as media for personality expressions and impressions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 90 (6), pp. 1014—1031. doi:10.1037/0022-3514.90.6.1014
26. Martsinkovskaya T.D. Person in Transitive and Virtual Space: New Challenges of Modality. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2019. Vol. 12 (2), pp. 165—176. doi:10.11621/pir.2019.0212
27. Van Dellen M.R., Hoyle R.H. Possible selves as behavioral standards in self-regulation. *Self and Identity*, 2008. Vol. 7 (3), pp. 295—304. doi:10.1080/15298860701641108